

ДВЕ КНИГИ — ДВА ЮБИЛЕЯ

Минувший год ознаменовался двумя юбилеями советских классиков — 125-летием со дня рождения А. Н. Толстого и 140-летним юбилеем А. М. Горького. Дата А. Н. Толстого, надо заметить, прошла совершенно незамеченной, в отличие от его 100-летнего юбилея, отмечавшегося в далёком уже 1983 году очень широко. И это в высшей степени показательно. А. Н. Толстой, по-видимому, стал “немодной” фигурой. Однако не так давно, в 2006 году, в серии “ЖЗЛ” вышла биографическая книга Алексея Варламова “Алексей Толстой”, представляющая собой заметное явление в современной литературе — это во многом по-новому, на современном уровне поданная биография крупнейшего художника слова. Такой книги давно с нетерпением ждали и читатели, и исследователи творчества А. Н. Толстого.

Книга эта написана так, что её интересно читать, если воспользоваться словами Л. Н. Толстого, сказанными им в 1899 году Н. Д. Телешову, “и профессору, и кухарке”. Она представляет собой добротный образец жанра. Собственно говоря, это первая по-настоящему полная, опирающаяся только на документы и факты (многие из них представлены впервые) книга об Алексее Толстом, где сама по себе невероятно интересная, захватывающая жизнь “красного графа” описана очень увлекательно.

В книге А. Варламова отсутствует какой бы то ни было беллетристический элемент, что делает работу особенно убедительной и достоверной.

При этом надо сразу же сказать, что А. Варламов написал отнюдь не апологетическую биографию А. Н. Толстого, он далёк даже от намёка на какую бы то ни было идеализацию своего героя. В первую очередь обращает на себя внимание именно совершенно трезвый и диалектический подход автора к этой непростой, неоднозначной фигуре. С одной стороны, на страницах книги А. Варламова А. Н. Толстой предстаёт не только как великолепный писатель, неутомимый труженик, отличный рассказчик, ярко выраженная артистическая натура, весёлый собеседник, но и как “восхитительный циник”, эпикуреец, “очаровательный негодяй” (выражение А. А. Ахматовой), ловкий карьерист, многим не брезговавший, мажорный сангвиник, не выносивший ничего неприятного, тяжёлого, печального (об этом хорошо когда-то написал в мемуарах Корней Чуковский, вспоминая свое общение с Толстым в годы войны в ташкентской эвакуации), зачастую неверный друг и вообще человек, через многое могший в жизни переступить, совершавший иногда не вполне приглядные поступки. А с другой, мы видим, что теперь прошло или, по крайней мере, проходит то время, когда об Алексее Толстом писали и говорили как о писателе, вначале не принявшем революцию, а затем искупившем свои заблуждения, или же только как о верном сталинском сочинителе, приспособленце, которому было глубоко безразлично, при какой власти и в какой стране жить, — лишь бы иметь хорошие деньги и сладко есть и пить. Такой взгляд на Толстого, как известно, существует. В книге же А. Варламова всё взвешено и всему отдаётся должное, и фигура “красного графа” показана на фоне эпохи со всеми его слабостями и даже пороками, но всё же совершенно не-

предвзято и, главное, без политической тенденциозности. В книге А. Варламова Алексей Толстой — такой, каким он, очевидно, и был в своей реальной жизни и как проявился в своём многообразном творчестве.

Биография А. Н. Толстого под пером А. Варламова выглядит почти как приключенческий роман, начиная с рассказа об обстоятельствах появления его на свет, выяснения истинного его происхождения (автор с фактами в руках — вслед за писавшим об этом значительно раньше Виктором Петелиным — убедительно доказывает, что А. Н. Толстой был действительно сыном графа Н. А. Толстого, а не А. А. Бострома, как это считали многие современники, в том числе и И. А. Бунин) и заканчивая подробным анализом того несколько двусмысленного, а в определённом смысле и трагического положения, в котором оказался писатель в СССР 1930-х — первой половине 1940-х годов.

Одним из основных моментов концепции книги А. Варламова является идея о том, что вся сознательная жизнь А. Толстого — человека талантливое и творческого буквально во всём, а не только в сфере литературного творчества, была своего рода театром, и сам Толстой выступал в нём в качестве блестящего актёра, надевая различные маски. Прежде всего — это маска балагура, шутника, озорника, позволявшего себе нередко рискованные и даже непристойные выходки. Кроме того, это могла быть маска Гаргантюа, обожавшего вкусные и шумные застолья — именно таким изобразил его на знаменитом портрете П. П. Кончаловский, его близкий приятель.

Однако за этими масками скрывался отменно трудолюбивый, истинно профессиональный литератор, работавший ежедневно, не дожидаясь вдохновения и невзирая ни на что, ни на какие внешние условия, — не только в обстановке уютного кабинета с камином, старинными портретами и коллекцией трубок в Царском Селе или же в московском доме на Спиридоновке, но, например, и на палубе переполненного беженцами парохода “Кавказ”, на котором он с семьёй плыл в 1919 году из Одессы в Константинополь. И там он не расставался с пишущей машинкой. Любые жизненные впечатления своим творческим даром, без преувеличения говоря, гениального беллетриста Толстой воплощал в яркие, сочные, вкусные, словно написанные маслом на холсте образы. Биограф при этом замечает, что, даже иногда опускаясь в целях заработка до халтуры, Алексей Николаевич оставался талантливым. И даже в написанной по совершенно определённому политическому заказу повести “Хлеб”, несмотря на явное снижение уровня, Толстой оставался писателем, которого можно читать с любой страницы.

Вместе с тем нельзя не отметить и того, что даже в одном из лучших созданий А. Толстого — романе “Пётр Первый”, есть места, написанные как бы наспех, скороговоркой, — и всё это наряду с изумительной художественной тканью. То же самое можно сказать и о второй и третьей частях трилогии “Хождение по мукам” — романах “Восемнадцатый год” и “Хмурое утро”, где великолепно написанные сцены и эпизоды, совершенно живые и колоритные персонажи соседствуют с сухой и протокольной хроникой эпохи Гражданской войны, несущей на себе неизбежную печать времени.

Нам представляется очень убедительной версия причин возвращения А. Н. Толстого из эмиграции в Советскую Россию, которую Варламов выводит не голословно, а исключительно доказательно — на основе многочисленных документальных материалов. Биограф полагает, что А. Толстого в первую очередь привлекала идея великодержавной государственности, начавшая складываться в разорённой и опустошённой революциями и войнами России, — это и привело его в конечном счёте к принятию перемен, совершившихся в его родной стране, которые он вначале так яростно и с такой ненавистью отрицал. А едкие, злобные антибольшевистские высказывания различных персонажей таких произведений А. Толстого, как “Хождение по мукам”, “Гадюка”, “Записки Мосолова”, “Морозная ночь”, и других являются своего рода как бы скрытыми автоцитатами и отчасти автопародиями — и с этим трудно не согласиться. Общественная же позиция Толстого выводится в основном — и это очень важно — из художественных произведений писателя, а не только из его публицистических деклараций.

Показывая фигуру А. Толстого на фоне сложной и пёстрой эпохи со всем её многоголосием, в кругу современников, автор проводит мысль о том, что генезис Толстого-художника находится прежде всего в Серебряном веке русской культуры, хотя при этом несколько забывает о том, что всё же корни

А. Толстого – в XIX веке, в русской классической литературе. По мнению биографа, Алексея Толстого сделало писателем в первую очередь общение с деятелями литературы и искусства начала XX столетия – с М. А. Волошиным, Г. Чулковым, И. Анненским, К. Чуковским и т. д. Эта в значительной мере не новая мысль подкреплена разнообразными документальными свидетельствами, многие из которых приводятся впервые. То же самое можно сказать и о тех страницах, на которых освещаются отношения Толстого с его современниками – от И. А. Бунина, А. И. Крупина, Л. Андреева до И. Эренбурга, К. А. Федина и А. А. Фадеева. Всё это выглядит очень по-новому, имеет как научно-литературоведческий, так в равной мере и читательский интерес.

Обстоятельства последних месяцев жизни А. Н. Толстого, смертельной болезни, унесшей его в могилу на 63-м году жизни, 23 февраля 1945 года, также поданы и интерпретированы во многом по-новому, с привлечением малоизвестных источников. Очень жаль только, что вне поля зрения Варламова осталась книга воспоминаний младшего сына писателя Дмитрия Алексеевича Толстого (1923–2003) “Для чего всё это было”, в которой содержатся совершенно бесценные свидетельства о последнем периоде жизни А. Толстого. Это довольно странно.

Автор показывает отношения А. Толстого с властью, со Сталиным. Как выясняется, на Толстого в это время в органах было заведено досье, сам Сталин готовил на него компромат, о чём он говорил в очень строгих тонах А. А. Фадееву, обвиняя его как руководителя Союза писателей в потере бдительности. Получается, что А. Толстого от неминуемого ареста “спасли” болезнь и смерть.

К числу недостатков и просчётов книги мы бы отнесли явный переизбыток цитируемых источников, прежде всего мемуарных, в некоторых случаях оказываются даже не названными их авторы, что заставляет постоянно обращаться к сноскам, находящимся в конце книги. Благодаря этому биограф иногда тонет в море самых разнообразных, в изобилии представленных материалов. Это создаёт длинноты и даже повторы. Не в последнюю очередь это относится к постоянно приводимым в соответствующих разделах книги дневниковым записям И. А. Бунина. Но таков, ничего не поделаешь, избранный автором способ подачи материала.

В целом всё же А. Варламов написал талантливую и по-новому звучащую книгу, в котором мир Алексея Толстого показан живо и объёмно. Поэтому он, этот мир, и становится притягательным магнитом для читателей, как искушённых, так и для тех, кто впервые открывает его для себя. Это достойный памятник великоллепному художнику-классику, которого будут читать, “доколе не забудется русский язык”, если воспользоваться известным выражением Пушкина. Ибо времена меняются, конъюнктура времени проходит, а подлинный талант остаётся навсегда.

Разительный контраст по отношению к рассмотренной книге А. Варламова представляет собой вышедшая также в 2006 году в издательстве “Вагриус” книга под заглавием “Баронесса и Буревестник”, принадлежащая одному из исследователей жизни и творчества А. М. Горького Вадиму Баранову. В ней фигурирует в очередной раз история отношений великого пролетарского писателя со знаменитой “железной женщиной” – Марией Игнатьевной Закревской-Бенкендорф-Будберг, её роль в судьбе Горького и прежде всего в его уходе из жизни в июне 1936 года. Конечно, эта тема имеет известный интерес, особенно в связи с горьковским юбилеем, тем более что фигура Горького стала, как известно, несколько развенчанной и даже скомпрометированной, начиная с 90-х годов. Но выбросить его с “парохода современности”, изъять из истории вообще и из истории литературы в частности невозможно – кажется, это очевидно. Но что же нового удалось сказать В. Баранову в его последней книге? Ведь он не раз уже писал об этом в предыдущее время, особенно в книге “Горький без грима”. По сути дела, ничего. Новая книга Баранова – не что иное, как довольно назойливое пережёвывание известных фактов, наиболее одиозных моментов биографии Горького советского периода.

Правда, привлекая некоторое количество новых документов, автор пытается доказать, что смерть Горького была насильственной, и этому якобы способствовал приезд в июне 1936 года в Москву М. И. Будберг. Но это повисает в воздухе и ничем не подтверждается.

Поэтому нам представляется, что вывод, который делает в своей совсем недавно вышедшей в “Центрполиграфе” книге “Жизнь Максима Горького” Виктор Петелин – Горький умер естественной смертью в результате перенесённого им тяжёлого гриппа, – куда более убедительный. Как справедливо отметил А. Трапезников в рецензии на книгу Баранова (“Литературная Россия”, 2008, 21 марта, с. 5), “кончина М. Горького была мучительной, но наступила по естественным причинам. Как это, наверное, обидно читать современным либеральным демократам, во всём видящим “руку горца”.

Тот же самый вывод неопровержимо вытекает и из несколько лет тому назад вышедшего в ИМЛИ сборника материалов и документов “Смерть Горького: документы, факты, версии”. Для пожилого, всю жизнь страдавшего тяжёлой формой туберкулёза Горького роковой могла стать даже любая простуда, тем более грипп. Так оно и случилось. Версию же об отравлении шоколадными конфетами (об этом как-то вскользь упоминается в книге) опровергала, например, в частном разговоре со мной и другими лицами внучка Горького Марфа Максимовна Пешкова, утверждавшая, что Горький никогда не ел ничего сладкого. Если кто-то в доме и употреблял такие лакомства тогда, то только Марфа Пешкова и её сестра Дарья, бывшие тогда в детском возрасте. Таким образом, построения Баранова не выдерживают никакой критики.

Избрав преимущественно беллетризованную форму повествования, автор тем самым вступил на довольно скользкий путь, рискуя впасть в банальную безвкусицу и даже бульварщину. И автору, надо заметить, не удалось этого избежать. Сама тема и сам материал книги, рассчитанной на массового читателя, не больно взыскательного, имеющий потугу на развлекательность... и более того, даже “клубнично-авантурный” элемент, очень в ней существенный, к этому располагают. И автор этим воспользовался. Его покинули и такт, и мера, и вкус.

Развлекательной цели служат и те страницы, где даётся длинный перечень близких Горькому женщин – среди них Е. П. Пешкова, М. Ф. Андреева, В. В. Шайкевич и, конечно же, М. И. Будберг – она занимает в нём наиболее почётное место. Образ бурной и почти приключенческой жизни баронессы, её многочисленные романы, о чём в своё время превосходно и талантливо (не в пример Баранову) написала в книге “Железная женщина” Н. Н. Берберова, – всё это как раз и дало Баранову материал для бездарной, дешёвой, авантурной книжонки.

Желая показать бурную и во многом трагическую эпоху, автор выводит на сцену таких героев, как А. Блок, К. Чуковский, В. Ходасевич, “красный граф” А. Н. Толстой, лиц из ближайшего окружения Горького, а также В. И. Ленина, И. В. Сталина, Г. Г. Ягоду, П. П. Крючкова, Я. Петерса, но при этом не даёт ничего нового. Всё это написано на провинциально-убогом уровне, благодаря чему сама крупная и значительная фигура Горького становится приниженной и двусмысленной, с “клубничным” оттенком, который так нравится автору. Что свидетельствует о конъюнктурных устремлениях В. Баранова, который, надо заметить, в своих работах советского времени занимал строго партийную позицию. Разве это не пример вопиющего приспособленчества? Нам представляется, что более чем выразительный, прямо-таки классический.

Перед нами две книги о двух тесно связанных между собой современниках, определивших во многом течение русской литературы XX века.

Одна из них – удачная, интересная, а другая, без преувеличения говоря, – дурная.

Александр Руднев

г. Коломна